

Российская Академия Наук
Институт философии

ФИЛОСОФСКИЙ журнал

Москва
2008

Редакционная коллегия:

академик РАН *А.А. Гусейнов* (главный редактор),
д. филос. н. *В.И. Аршинов*, д. филос. н. *В.Д. Губин*,
д. филос. н. *А.А. Кара-Мурза*, член-корр. РАН *И.Т. Касавин*,
член-корр. РАН *Н.И. Лапин*, академик РАН *В.А. Лекторский*,
член-корр. РАН *В.В. Миронов*, д. филос. н. *В.И. Маркин*,
д. филос. н. *Н.В. Мотрошилова*, к. филос. н. *Б.О. Николаичев*,
д. филос. н. *С.А. Никольский*,
член-корр. РАН *А.В. Смирнов* (зам. главного редактора),
д. филос. н. *Ю.Н. Солонин*, к. филос. н. *Н.Н. Сосна* (ответств. секретарь),
академик РАН *В.С. Стёпин*, член-корр. РАН *Б.Г. Юдин*

Зав. редакцией – *Ю.Г. Россиус*

В НОМЕРЕ

От главного редактора 5

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Доклады на заседаниях Ученого совета Института философии РАН

Т.И. Ойзерман. Философия философии 6

В.М. Межуев. Философия в современной культуре 14

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

А.М. Руткевич. Прошлое историка 24

В.Ж. Келле. Культура и свобода 44

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

М.А. Розов. Инженерное конструирование в научном познании 54

А.И. Панченко. Физическая реальность: трансцендентальная физика или экспериментальная метафизика 68

И.А. Бескова. Двухнаправленность причинно-следственных связей (модель, в которой следствие может предшествовать причине) 77

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

В.В. Бычков. Постнеклассическая эстетика: К вопросу о формировании современного эстетического знания 90

А.М. Анисов. Логика интерсубъективного цитирования 109

ВОПРОСЫ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ

М.Т. Степаняну. Россия в глобализирующемся мире 133

В.Л. Васюков. Толерантность и универсализм 148

В.И. Самохвалова. О содержании понятия «толерантность» в современном культурном контексте 161

Summary 176

Об авторах 180

TABLE OF CONTENTS

Editor's Preface	5
 PHILOSOPHY IN THE MODERN WORLD	
Papers Delivered before the Academic Council of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences	
<i>Oizerman T.I.</i> The Philosophy of Philosophy	6
<i>Mezhuev V.M.</i> Philosophy in Modern Culture	14
 PROBLEMS IN THEORY AND HISTORY OF CULTURE	
<i>Rutkevitch A.M.</i> Historian's Past	24
<i>Kelle V.J.</i> Culture and Freedom	44
 PHILOSOPHY AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE	
<i>Rosov M.A.</i> Engineering Design in Scientific Knowledge	54
<i>Panchenko A.I.</i> Physical Reality: Transcendental Physics or Experimental Metaphysics	68
<i>Beskova I.A.</i> Bi-Directionality in the Cause-Effect Relations (a Model in which the Effect Precedes its Cause)	77
 IN SEARCH OF A NEW LANGUAGE FOR PHILOSOPHY	
<i>Bychkov V.V.</i> Postnonclassical Aesthetics: the Problem of Shaping the Body of Knowledge in Contemporary Aesthetics	90
<i>Anisov A.M.</i> The Logic of Inter-Subjective Quotation	109
 PROBLEMS IN ETHICS AND POLITICS	
<i>Stepaniants M.T.</i> Russia in Globalizing World	133
<i>Vasyukov V.L.</i> Tolerance and Universalism	148
<i>Samokhvalova V.I.</i> The Notion of Tolerance in the Context of Modern Culture	161
Summary	176

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Философский журнал», первый номер которого предлагается читателю, учрежден Институтом философии Российской академии наук и является его органом. Научное руководство института составляет основу его редакционной коллегии.

Отчасти журнал предназначен играть роль ученых записок Института философии РАН. Но не только. Он открыт для всех авторов независимо от их ведомственной принадлежности и социального статуса. Он замыслен как площадка для исследовательских результатов и новых идей в области философии — с единственным ограничением: они должны быть выражены на русском языке.

Наша цель заключается не просто в том, чтобы увеличить число философских журналов. Мы хотим дополнить их в качестве «узкоцехового» издания, предназначенного для людей, профессионально занятых в области философии. Особенность существующих журналов по философии состоит в том, что они, как правило, научные цели сочетают с научно-популярными и просветительскими, печатают материалы, которые по своей тематике могут заинтересовать широкую читательскую аудиторию и по языку и стилю доступны ей. Это — хорошая традиция нашей отечественной философско-культурной жизни, которую несомненно стоит продолжать и оберегать. Институт философии уже давно сотрудничает с «Вопросами философии» — нашим старейшим и лучшим философским журналом, считает его своим. Кроме того, он соучаствует в издании целого ряда журналов широкого профиля, выходящих под его грифом: «Человек», «Полигнозис», «Личность. Культура. Общество», «Философия и культура». В случае «Философского журнала» мы сознательно ограничиваемся сугубо научными, исследовательскими целями. Наша претензия состоит в том, чтобы стать философским журналом для философов.

«Философскому журналу» предстоит найти место не только среди отечественных философских журналов, но и среди периодических изданий самого Института философии РАН. В течение многих лет здесь выпускаются ежегодники, посвященные отдельным областям философского знания: «Историко-философский ежегодник», «Логические исследования», «Философия науки», «Этическая мысль», «История философии». С 2003 г. выходит ежеквартальный журнал «Эпистемология и философия науки». В отличие — и в дополнение к этим узкопрофилированным изданиям «Философский журнал» будет ориентироваться на проблематику, представляющую общефилософский интерес.

Планируемая периодичность издания — два выпуска в год. Она является первоначальной, ее увеличение будет определяться наличием достаточного количества статей, представляющих исследовательский интерес.

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Доклады на заседаниях Ученого совета Института философии РАН

Начиная с апреля 2006 г. на заседаниях Ученого совета Института философии РАН ведущие исследователи выступают с докладами на темы, волнующие сегодня философское сообщество. Эти доклады будут публиковаться на страницах «Философского журнала».

Т.И. Ойзерман

ФИЛОСОФИЯ ФИЛОСОФИИ

Я полагаю, все вы согласитесь со мной, что вопрос о том, что такое философия, представляется неискушенному в философии человеку элементарным вопросом, вопросом, почерпнутым из популярной брошюры или из учебного пособия. И этот неискушенный в философии человек пожимает плечами, когда видит, что такие известные в мире философы, как Хайдеггер, пишут книги «Что такое философия?», когда Ортега-и-Гассет называет книгу «Что такое философия», когда такие постмодернисты, как Жиль Делёз и Феликс Гваттари, выпускают книгу «Что такое философия», — я могу перечислить еще много других авторов, которые известны как философы и известны как авторы книги на тему «что такое философия». Значит, здесь есть проблема. Один из рано ушедших талантливых философов, Эрик Юдин как-то сказал, что философия — это проблематизация известного, когда известное делается проблемой. В свое время еще Гегель говорил, что известное — еще не значит познанное. И Декарт как-то замечал, что он никак не может доказать, чем отличается бодрствование от сна — факт вроде очевидный, но Декарту требовалось доказательство. И американский прагматист, Фердинанд Шиллер, которому покойный Митрохин посвятил свою кандидатскую диссертацию, по этому поводу высказал каламбур: если король спит двенадцать часов в сутки и видит во сне себя нищим, а нищий спит двенадцать часов в сутки и видит себя во сне королем, то разницы между ними нет никакой.

Итак, вопрос «что такое философия» действительно является мучительным вопросом для философов. Как говорил Фихте, едва ли найдется и полдюжина таких, которые знали бы, что такое философия. Математик скажет: то, чем я занимаюсь как специалист, это и есть математика. Философ тоже скажет: то, чем я занимаюсь как специалист, это и есть философия. Но все философы, и даже не только философы, но просто люди, немножко знающие философию, легко отличают философские тексты от нефилософских, и всегда скажут, что «Философия зоологии» Ламарка — это все-таки не философия, хотя там есть какие-то мысли, достойные фи-

лософа. Значит, философы, которые ни в чем не согласны между собой, согласны все-таки в одном — в том, что философию от не-философии всегда можно отличить.

Почему же философия стала проблемой? Джон Дьюи, который, казалось бы, не занимался изучением философии как философии, тем не менее в своей последней лекции признался: «В настоящее время самым важным вопросом философии является вопрос, что такое философия сама по себе, какова ее природа, каковы функции философских занятий». Для мыслителя-прагматиста такая постановка вопроса вызывает некоторое удивление.

Дело в том, что Аристотель, скажем, дает свое определение философии, но это, в сущности, определение философии Аристотеля. Хайдеггер дает свое определение философии, но это относится лишь к его философии. Не трудно, конечно, описать, охарактеризовать философию Шеллинга, Сартра, того же Хайдеггера, если взять каждого из них самого по себе. Но как охарактеризовать философию вообще, учитывая, как велики различия между мыслителями? Значит ли это, что нужно отвлечься от всего того, что отличает Хайдеггера от Фомы Аквинского или Джона Дьюи от Жан-Поля Сартра? Но что тогда остается? Остается некое абстрактное понятие философии, которое никому ничего не дает.

Вот почему вопрос «что такое философия?» для философа оказывается вопросом о смысле не только философии, но, если хотите, даже о смысле самой жизни. Собственно, так и определяет философию Хайдеггер.

И наши коллеги, конечно, тоже задумываются над тем, что такое философия. Уважаемый председатель Совета академик Гусейнов пишет статью «Назначение философии», полагая, что предпочтительнее говорить о «назначении философии», чем о том, «что такое философия», — тогда получается менее претенциозно.

Академик Стёпин в своей известной не только в нашей стране, но и в англоязычных странах работе «Теоретическое знание» определяет философию как самосознание культур. Это интересное определение. Но, конечно, тогда встает вопрос о многообразии культур. Некоторые исследователи насчитывают около двухсот определений культур. Не получается ли тогда, что столько же может быть и различных философий? С другой стороны, есть и философия культуры как особая область исследований. Например, «Энциклопедию философских наук» Гегеля, несомненно, можно считать каким-то самосознанием культуры. А Х.Ортега-и-Гассет говорит, что единственным предметом философии является универсум — во всех смыслах этого слова, не просто как Вселенная, а также духовный универсум, то есть даже больше, чем жизнь, чем Вселенная. Ну и, конечно, есть множество других определений. Неопозитивисты и Витгенштейн утверждают, что философия — это попытка прояснения разума, помраченного употреблением научных терминов. Это первый вариант. Второй вариант — требование освободить разум, помраченный употреблением терминов обыденного сознания...

Какой же я бы сделал вывод? В книге «Философия как история философии» я пишу так — позвольте процитировать: «Философия, в отличие от любой науки, каков бы ни был исторический уровень ее развития, существует как неопределенное множество философских учений, которые противостоят друг другу, отрицают друг друга и вместе с тем дополняют друг друга. Таков *modus essendi* философии, такой она была уже в первое столетие своего исторического бытия, такой она осталась и в наше время. И нет ни-

каких снований полагать, что когда-нибудь в будущем философия утратит свою многоликость, которая является ее особенностью, специфической формой познания. Было поэтому заблуждением полагать, что философский плюрализм существует только до тех пор, пока не создана такая система, которая решила вопросы, которые не были решены. Он существует, потому что существует философия, и будет существовать до тех пор, пока существует философия».

И академик Гусейнов в своей статье «Назначение философии» говорит, что идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение. Признаюсь, сам-то я к этому выводу пришел не так давно, лет десять тому назад. А лет двадцать тому назад в одном сборнике, вышедшем в Швейцарии, я писал о том, что плюрализм философских учений – это исторически преходящее явление. Вероятно, тогда я был убежден, что диалектический материализм должен завершить историю философии. Ведь и Гегель говорил, что история имеет не только свое начало, но и конец. Слава Богу, что мне удалось исправить это свое заблуждение.

Что хорошего в том, что философия многолика? А именно то, что существуют разные философии. Спиноза говорил, что, может быть, моя философия не самая лучшая, но она истинная. Это была догматическая иллюзия Спинозы, да и любой философ, строящий свою систему, также не свободен от этой иллюзии. Эти иллюзии разрушаются другими системами. И тем самым обогащается океан философского мышления, тем самым возникают новые проблемы, новые идеи, понятия. И постмодернизм в лице Деррида или Лиотара, людей, готовых к отрицанию, следуя примеру Ницше, отчасти Хайдеггера, также обогащают понятие философии своим отрицанием. Ибо всякое квалифицированное отрицание философии есть тоже философия. Да ведь весьма часто философия выступала не только как критика другой философии, но и как отрицание философии вообще. Помните, как у Фейербаха: «Meine Philosophie – keine Philosophie», моя философия – уже не философия. Но кому в голову приходило не считать Фейербаха философом? Маркс и Энгельс тоже считали, что их философия – это не философия.

Значит, плюрализм философских учений – это реальное богатство философии. И чем больше плюрализируется философия, тем увеличивается ее богатство. Будем же плюралистами.

Межуев В.М. – Конечно, надо признать, нечего спорить, что нет одной философии на всех. Одной философии, какой-то гуманистической философии не существует. И все-таки останавливаться просто на плюрализме и считать, что в этом существует какое-то определение философии, мне кажется недостаточным. Потому что и искусство плюральное. Разве искусство не существует как многообразие жанров, видов, направлений, стилей? Я тогда не вижу здесь принципиального отличия.

Я хотел бы вернуться к определению В.С. Стёпина, оно близко и моему. Скажу коротко. Как бы мы ни определяли философию, важно одно: философия есть часть культуры. Мы можем еще не договориться о том, как определять философию, ведь философия – часть не любой культуры. Я не верю в существование философии в любой культуре. Для меня все-таки философия – это изобретение эллинов, это часть европейской культуры наряду с какими-то другими вещами. И очень важно понять, почему Европа оказалась вынужденной осознавать себя не просто через религию,

как это характерно для всех доевропейских и неевропейских культур. Когда-то Россия тоже себя идентифицировала через православие, Китай — через конфуцианство, и т.д. Почему европейцу — не любому, конечно, образованному — потребовалось идентифицировать себя не через обращение к богам, а через обращение к идеям? Я тут не буду долго рассуждать, мне кажется, в силу одной вещи — в силу того, что Европа открыла свободу. Поэтому философия есть не просто самосознание культуры, а философия есть самосознание человека, осознавшего себя свободным. Это есть самосознание свободного человека. И в этом смысле для меня философия помещается как бы на территории, расположенной между религией и наукой. Ее может тянуть в ту сторону и в другую, поэтому есть научная философия и есть религиозная философия. Если, образно говоря, это в составе европейской культуры обязательно, выбросите какой-то один из этих элементов — и нет европейской культуры. Религия в европейской культуре, скажем так, отвечает за то, что человек должен быть добрым, моральным, наука отвечает за то, что он должен быть сильным, вооруженным технологией и знанием, а философия отвечает за то, чтобы он был свободным. Философия есть взгляд на мир свободного человека. Это единственный институт, мне известный в сфере культуры, который охраняет человеческую свободу, как это Кант понимал в «Споре факультетов...». И вот когда со свободой плохо, когда она куда-то уходит, вот тогда наступает кризис философского знания.

Лекторский В.А. — Я скажу несколько слов, потому что тема такая, что можно обсуждать часами. Доклад был очень интересный, и во многом я согласен с тем, что сказал Теодор Ильич. Я только хочу сделать два или три мелких замечания.

Первое вот какое. Конечно, философия невозможна без истории философии. Ведь есть такая позиция (у Теодора Ильича, по-моему, нет, но она не раз высказывалась), что философия — это и есть осмысление истории философии. С такой позицией я не согласен. Потому что, представьте себе, что если бы такой позиции придерживались все философы, то не было бы и истории философии... Такая позиция сама себя опровергает. Каждый философ пытается решать какие-то проблемы. Для меня философия — это решение определенного типа проблем.

О каких проблемах идет речь? Это самое сложное, потому что на самом деле, и Теодор Ильич это прекрасно показал, каждый философ по-своему понимает философию и формулирует новую проблему. Конечно, любая крупная философская концепция и проблемы формулирует несколько иначе, и, что самое главное, способы решения берет свои. И в этом смысл обсуждения проблемы «что такое философия».

Тем не менее можно выделить несколько проблем, которые инвариантны для всей истории западной философии. Это не только проблема свободы, о которой сказал Вадим Михайлович, она действительно парадоксальна, потому что свобода связана с необходимостью, на эту тему можно много говорить. Это вообще все фундаментальные проблемы: что такое реальность, что такое бытие, что такое субъект, «я». Это все парадоксальные проблемы, которые нельзя решить однозначно с помощью чисто научного метода. И философы их по-разному формулировали; каждый крупный философ не просто пытался ответить, что такое философия, он пытался решить эти проблемы по-своему, он создавал принципиально новое видение мира.

Второе. Когда философы ставят вопрос «что такое философия», по существу они обсуждают вопрос не только философии, и Теодор Ильич об этом сказал, а вопрос «что такое культура», «что такое человек». И каждый раз, поскольку сама культура меняется, и человек меняется, этот вопрос постоянно и всегда будет воспроизводиться.

И третье — насчет плюрализма философских концепций. Конечно, это факт, и, возможно, так будет всегда. Но, понимаете, очень важно признавать этот факт и, констатируя его, отдавать себе отчет в том, что каждый философ, который пытается решить проблемы и пытается обосновать свое решение проблемы, не может не исходить из собственного видения. Установка, что все правы, и все это было, и будет, не может быть установкой философа. Поэтому если я признаю, что есть иная точка зрения, то, как каждый философ, с ней спорю, пытаюсь опровергнуть, доказать, что мое понимание лучше. И так будет всегда — каждый философ будет считать, что все правы, но я правее всех. Иначе он не будет философом. Это ведь очень важно! С этим связано еще одно: хотя, в конце концов, одни и те же решения принципиально воспроизводятся, все же каждый раз они воспроизводятся на каком-то новом уровне. Поэтому для меня слово «прогресс» в отношении, может быть, слишком сильно, но какое-то движение философской мысли, по-моему, существует. Вот это очень важные, по-моему, вещи, которые не опровергают то, что сказал Теодор Ильич, а которые, может быть, могут быть рассмотрены как дополнение. Ведь философия, здесь я согласен с Теодором Ильичом и с Вадимом Михайловичем, — это важный способ критики культуры, способ культуротворчества. Это не просто рефлексия над культурой, это, вместе с тем, способ переинтерпретации культуры. Но вообще я хочу еще раз поблагодарить докладчика за то, что он и в самом деле показал, что есть такие проблемы, которые важны не только для философа, но, по-моему, и для всех, кто думает над судьбами культуры и человека, которые мы обсуждали и будем всегда обсуждать.

Степанянц М.Т. — Я хотела бы поблагодарить Теодора Ильича и Ученый совет за постановку этой проблемы, которая является проблемой не только для каждого из нас, занимающихся философией, но я думаю, она особенно важна для тех, кто занимается незападными философскими традициями, потому что нам нужно для себя решить, обосновать, что все-таки философия в этих традициях и в этих культурах существует, поэтому очень важно ставить вопрос, что же такое философия и была ли она на Востоке.

Я никак не могу согласиться, конечно, с точкой зрения Вадима Межуева по поводу того, что только эллины были способны к философствованию. Если вспомнить этимологию — философия как любовь к мудрости (мне как-то по-прежнему любо это определение), то мудрым человеком является тот, кто способен лучше других ответить на вопросы, с которыми сталкиваются обычные окружающие его люди, с экзистенциальными проблемами, проблемами жизни, проблемами смысла жизни, и с этим уже связано место человека в универсуме, значит, возникает вопрос о том, что такое универсум, и т.д., и т.д. Поэтому я думаю, что отказываться от того, что заложено в самой этимологии слова «философия», не следует, это действительно любовь к мудрости.

Теперь об обращении к богам. Если говорят о том, что культуры, которые обращались к Востоку, не имели философии, то я думаю, что восточные культуры, такие цивилизации, как индийская и китайская, вообще под